

была сенатской провинціей) — создаетъ смѣшанные суды наполовину изъ римлянъ, наполовину изъ грековъ, но съ полнымъ исключеніемъ тѣхъ, кто не обладаетъ извѣстнымъ цензомъ. Характерно, однако, что зная греческіе нравы, ихъ сварливость, ихъ мстительность, зная, что для грековъ подчасъ грекъ же худшій врагъ, чѣмъ римлянинъ, Августъ оставляетъ открытой возможность для грековъ судиться не въ смѣшанномъ, а въ чисто римскомъ судѣ.

Таковы тѣ лучи свѣта, которые бросаетъ надпись на Августа — попечителя провинцій. Но вотъ и другая сторона. Августъ — *princeps*. Августъ — *pontifex*, Августъ — *imperator* — все же въ концѣ концовъ тираннъ. Безъ тайной полиціи, безъ шпіонажа, безъ процессовъ, безъ экзекуцій не обходилось. Въ нашемъ литературномъ преданіи на всемъ этомъ дымка. Но вотъ говорить самъ Августъ: «Публій Сестій Цева не долженъ нести клейма нелицевости и безчестія за то, что онъ добился препровожденія въ окопахъ изъ Киренской провинціи въ Римъ Авла Стлаккія, сына Луція, Максима и Луція Стлаккія, сына Луція, Македона, и Публія Лак-

витанія, отпущенника Публія, Фитсрота, каковыя лица заявляютъ, что они знаютъ и готовы донести о дѣлѣ, касающемся моей безопасности и безопасности государства. Сестій поступилъ согласно долгу своему и со рвеніемъ. Въ концѣ концовъ однако, такъ какъ оказалось, что эти лица о фактахъ, касающихся меня и государства, не знаютъ ничего, и такъ какъ они доказали, что сами были введены въ заблужденіе и обмануты относительно того, о чемъ они говорили въ провинціи, я освобождаю ихъ отъ отвѣтственности и выпускаю изъ тюрьмы. Что же касается до Авла Стлаккія, котораго послы Кирены обвиняютъ въ томъ, что онъ устранилъ съ общественныхъ мѣстъ статуи, среди нихъ такія, на которыхъ городъ Кирена написалъ мое имя, я запрещаю ему удаляться изъ Рима безъ моего разрѣшенія, вплоть до разбора дѣла».

Картина яркая и мрачная! Реверсы той блестящей картины, которую даютъ великіе Августовскіе поэты — Вергилій, Гораций, Тибуллъ и Проперцій. Вспомнимъ Овидія и его ссылку.

М. Ростовцевъ.

Римъ, 8 августа 1927 г.

Новое о народничествѣ

У́ хочу коснуться темы, которая представляется мнѣ исключительно важной и отвѣтственной, — вопроса о новомъ народничествѣ, къ возникновенію и развитію котораго должны мы стремиться всѣми силами. Старое народничество отошло уже совсѣмъ въ про-

шлое, отъ котораго настъ отдѣляется великій переломъ въ русской жизни 1917 года, — а между тѣмъ эта старая, какъ бы погребенная тема встаетъ вновь въ русскомъ сознаніи не только съ новымъ содержаніемъ, но и въ новыхъ условіяхъ. Правда, тема эта сейчасъ

счесть непопулярна, и съ этимъ необходимо считаться, но это нисколько не уменьшаетъ ея актуальности и значительности. Сейчас дѣло идетъ совсѣмъ не о привлеченіи широкихъ круговъ интеллигенціи, а о выясненіи самой идеи новаго народничества, и это требуетъ не мало чисто теоретической работы, которую откладывать не приходится.

Фактъ довольно яркаго развитія въ наши дни антинародничества представляется мнѣ очень серьезнымъ и безспорнымъ. Я не боюсь преувеличеній, если скажу, что вѣра въ народъ и любовь къ нему куда-то исчезли, провалились, — ихъ не только не найдешь теперь у русскаго интеллигента, но приходится даже констатировать, что на мѣсто ихъ выступили совсѣмъ иные настроенія. Отъ народа нынѣ отворачиваются, кто съ горечью и гнѣвомъ, а кто даже съ ненавистью, и если вѣрять — то не въ русской народъ, а въ Россію вообще. Теперь не рѣдкость услышать самыя жесткія и беспощадныя слова осужденія въ отношеніи къ русскому народу: темныя страницы всей русской жизни теперь часто связываютъ съ самой «русской спичей» и говорятъ иногда о большевизмѣ, какъ существенной для русской души безудержности и крайности. Особенно любятъ въ наши дни высмѣивать и даже издѣваться надъ народничествомъ Достоевскаго съ его вѣрой въ то, что русскій народъ — «богочеловѣкъ». Въ противовѣсъ Достоевскому указываютъ на безчисленныя кощунства, которыя проходили при молчаливомъ безучастіи народа: многимъ кажется, что спича религіознаго бунтарства раз-

вернулась за послѣднее время съ такою силой, что лишь народа богослова совершенно потемнѣть и исказился...

Мотивы антинародничества, потрясеніе вѣры въ русскій народъ легли тяжелымъ испытаніемъ на русскую интеллигенцію, глубоко связанную въ своихъ духовныхъ исканіяхъ съ вѣрой въ народъ. Русское народничество столь давняго происхожденія, такъ легко сочеталось съ самыми различными политическими, социальными и религіозными построеніями, что его слѣдуетъ признать какъ бы одной изъ основныхъ и неустрашимыхъ темъ въ русскихъ исканіяхъ. Нынѣ, однако, самая тема эта какъ бы выпадаетъ — и то, что это происходитъ въ эмиграціи, дастъ иногда поводъ думать, что антинародничество связано съ процессами деклассированія и общаго кризиса интеллигенціи въ эмиграціи. Между тѣмъ дѣло стоитъ и глубже и сложнее — на нашихъ глазахъ закладываются и на родинѣ нашей и въ эмиграціи основы новой интеллигентской психологіи, болѣе грубой, болѣе реалистической и оппортунистической, иногда хищной, но все же интеллигентской по силѣ и устойчивости духовныхъ устремленій. Эта новая, лишь слагающаяся психологія дѣйствительно сдвигаетъ народническую «установку», какъ нѣкую сентиментальную и изжитую форму жизни, но различіе между интеллигенціей въ Россіи и эмиграціей заключается въ томъ, что въ Россіи крѣпнеть внѣнародническая, а въ эмиграціи антинародническая установка.

Я думаю, что русская жизнь все же ставить вновь вопросъ о народничествѣ, ставить его властно

и определенно, но еще большой вопрос, услышит ли русская интеллигенция, переживающая столь глубокий кризисъ, этотъ призывъ? Обращение къ народу, въ смыслъ использованія его въ новыхъ условіяхъ жизни, социальная и политическая ставка на народъ, навѣрное, будутъ сильны у насъ просто хотя бы въ силу того, что здѣсь нельзя будетъ отбросить то, къ чему приученъ народъ за послѣдніе годы. Но одно использование народныхъ массъ, столь частое нынѣ всюду, никоимъ образомъ, конечно, не можетъ быть охарактеризовано какъ народничество; скорѣе напротивъ — оно стоитъ гораздо ближе къ подлинному антинародничеству, какъ это, напр., видно у русскихъ идеологовъ фашизма. Говоря, что русская жизнь ставитъ вновь вопросъ о народничествѣ, я имѣю въ виду сорсѣмъ не использование народныхъ массъ, а сознательное служеніе народу. Историческая нужда въ интеллигенціи была у народа всегда велика, и мы это всегда чувствовали съ большей или меньшей силой, но толковали эту интуицію либо въ просвѣщенскихъ, либо въ социально-политическихъ тонахъ. Для этого было, конечно, достаточно объективныхъ оснований, но мы всегда проходили равнодушно мимо духовныхъ исканій народа, мимо его религиозной жизни, хотя именно здѣсь были сосредоточены основные процессы въ народной душѣ. И какъ разъ въ наше время впервые въ русской исторіи наступилъ моментъ, когда интеллигенція можетъ подойти къ народу именно въ его основныхъ исканіяхъ, ибо въ самой интеллигенціи на нашихъ глазахъ происходитъ глубокое и

знаменательное измѣненіе. Наша интеллигенція не только возвращается къ Церкви, но находитъ въ этомъ такой огромный и творческий духовный подъемъ, одушевляется такимъ огнемъ, что это даетъ ей чловья силы, сообщаетъ ей огромную энергію. Происходить удивительное «обновленіе» интеллигенціи, не только въ ея психологіи, но въ свѣтѣ религиозныхъ переживаній по новому для нея выступаетъ смыслъ недавняго проплато — въ его ошибкахъ, въ его правдѣ. Мы какъ бы приближаемся къ великому синтезу въ русскомъ духѣ, къ нашей «органической» эпохѣ; интеллигенція, проникаясь духомъ церковности, чувствуетъ себя въ небывалой никогда раньше близости къ народу — и путь новаго народничества, путь служенія народу въ самомъ заветномъ и основномъ его открывается лишь во всемъ своемъ объемѣ. Это есть новая, а можетъ быть по существу самая старая тема русской жизни, нынѣ только до конца раскрытая для насъ. Предлагая читателю нѣкоторыя свои соображенія по этому поводу, я хотѣлъ бы послужить дѣлу собиранія тѣхъ, кто принимаетъ мысли, высказанныя въ настоящей статьѣ.

Если обозрѣть различныя формы, въ какихъ выступало у насъ народничество, то совершенно безспорнымъ является то, что его идейныя и философскія основы, конкретная социально-политическая программа постоянно варьируются въ немъ. Русская жизнь создавала консервативное и революціонное, ретигіозное и позитивистическое, сентиментально идеалистическое и реалистическое народничество, основная суть кото-

раго сохранялась всюду. Существеннымъ является поэтому не идеология, а психология народничества, эта глубокая и творческая обращенность къ народу, къ его жизни и внутреннему міру, къ его пуждамъ и интересамъ, къ его быту и вѣковой мудрости. Конечно, эта обращенность къ народу, переходящая часто въ безоговорочное поклопеніе тому, чѣмъ живетъ народъ, можетъ соединяться и съ трезвымъ, критическимъ отношеніемъ къ нему, какъ это, напр., было у Г. Успенскаго. Въ обращенности къ народу есть, однако, глубокой и принципиальный отрывъ отъ вседѣльной погруженности въ міръ «высшей» культуры, есть здоровый возвратъ къ той «почвѣ», на которой мы все растемъ. Какъ для нормальной психологии семейнаго человѣка характерно, что онъ никогда и ни въ чемъ не отдѣляетъ себя отъ семьи и ни одного серьезнаго вопроса не ставитъ и не рѣшаетъ «для себя», а всегда помнитъ о семьѣ, такъ точно для психологии народничества характерна невозможность и нежеланіе когда-либо и въ чемъ-либо забыть о народѣ. Но если связь съ семьей намъ натурально дана въ такой степени, что мы, въ нормальныхъ условіяхъ, никогда не можемъ забыть о семьѣ, то связь съ народомъ — тоже натуральная, но натурально слабая — должна еще быть укрѣпляема въ сознаниіи нашимъ. Памятованіе о народѣ, объ этомъ огромномъ и живущемъ долгой исторической жизнью организмѣ, внутри котораго живемъ и мы, — выдвигаетъ передъ нами задачу не замыкаться въ самихъ себѣ, въ проблемахъ того тонкаго слота, который мы зовемъ интел-

лигенціей, но обращаться лицомъ къ той «массѣ», для которой и благодаря которой мы существуемъ. Интеллигенція сама есть часть народа, которая заключаетъ и носитъ въ себѣ возможности и условія историческаго и культурнаго дѣйствованія. Въ извѣстномъ смыслѣ интеллигенція какъ — то функционально связана съ народомъ, который отдаетъ интеллигенціи свои заветныя думы, свои творческія силы. Если народъ съ извѣстнымъ основаніемъ можетъ быть охарактеризованъ какъ нѣкій цѣлостный организмъ, то интеллигенція принадлежитъ тоже къ этому организму и составляетъ нѣживѣйшую, плодотворнѣйшую его силу. Народъ нуждается въ томъ, чтобы у него была его интеллигенція, — она ему нужна, какъ его сила, какъ его духовный центръ. Исторически и существенно интеллигенція растетъ и питается изъ народа, вообще дѣйствуетъ какъ часть и функция народа; весь смыслъ ея существованія данъ не въ ней самой, а въ томъ, чтобы обслуживать народъ. Между тѣмъ — и это исторически и психологически совершенно «естественно» — интеллигенція часто живетъ или для себя и въ себѣ или для «государства», для того большаго цѣлага, которое включаетъ часто не одинъ, а много народовъ. Самозамыканіе въ себѣ, естественное и неизбежное, отрываетъ интеллигенцію въ ея сознаниіи отъ народа; по существу она отрывается рѣдко, но отсутствіе сознаниія этой глубочайшей связи съ народомъ можетъ служить подспорьемъ для процессовъ глубокаго отрыва отъ народа. Слпоишь и рядомъ сознание связи съ народомъ поддержива-

еся всей совокупностью тѣхъ чувствъ и стремлений, которыя образуютъ содержаніе **патріотизма**. Любовь къ родинѣ и ея славѣ, любовь къ историческому цѣлѣму, именуемому государствомъ, возвращаетъ интеллигенцію къ интересамъ этого цѣлага, а слѣдовательно и народа. Но понятія «родины» и «народа» не совпадаютъ, а часто и очень сильно расходятся — народъ въ его живой цѣлостности, въ его конкретной жизни лишь частично и односторонне участвуетъ въ жизни страны, въ ея историческомъ дѣйствіи. Въ сущности такую картину мы имѣемъ всюду, но ея опасности могутъ быть не замѣчаемы до известной степени этого несовпаденія. Экономическія, социальныя, политическія несоответствія въ жизни государства и жизни народа въ его конкретной полнотѣ образуютъ тему тѣхъ и другихъ общественныхъ исканій и направленій, иногда образуютъ тему революцій, — но не всегда это осознается въ терминахъ «народничества», какъ нарочитой и особо напряженной обращенности сознания къ народу. Хотя элементы и мотивы народничества мы найдемъ всюду, но нигдѣ оно не осознавалось съ такой силой, нигдѣ оно не получало такого значительнаго и вліятельнаго объема, какъ у насъ русскихъ. Отчего это такъ? Объяснить это вліяніе не легко, но я думаю, что существенную роль здѣсь сыграло два момента — сознаніе значительности въ глубины нашего духовнаго отдаленія отъ народа и сознаніе долга интеллигенціи послужить народу. Второе было не только у тѣхъ, кто попадалъ въ категорію «кающихся дворянъ», но бы-

ло дѣйствительнымъ и могучимъ и у тѣхъ, въ комъ не было налицо никакого сознанія «вины», «неуплаченного долга», но у кого оставалась **напряженная императивность** въ обращеніи къ народу. Сознаніе того, что мы должны послужить народу, такъ было распространено у насъ, что его можно было найти всюду, гдѣ еще поверхностная рационализація не вытѣснила болѣе глубокихъ движеній. Не всегда было сознаніе «вины», «покаянія» передъ народомъ или «долга» въ отношеніи къ нему, но всегда была на лицо самая императивность въ идеѣ служенія народу. Откуда шло это чувство? Оно достаточно загадочно и мы не будемъ сейчасъ слѣдить за его генеалогіей, — намъ важнѣе остановиться на другой, весьма существенной особености въ нашей народнической психологіи.

Ни въ одной странѣ, какъ мнѣ кажется, не переживалось въ такой остротѣ наше духовное отдаленіе отъ народа, какъ у насъ. Причина этого лежала, конечно, и въ томъ, что въ значительной своей части то, чѣмъ жила интеллигенція, было **иноземнымъ**, не выросавшимъ органически изъ плѣдръ народной жизни. Но къ этому присоединилось и то, что въ самыхъ своихъ духовныхъ основахъ интеллигенція почти всегда оказывалась чуждой тому, чѣмъ жила наша народная душа — я имѣю въ виду его религіозный міръ. Нашъ народъ духовно жилъ преимущественно своимъ религіознымъ міромъ, въ которомъ слагалось все его міропониманіе, его этика, философія исторіи, весь бытъ. А наша интеллигенція, за рѣдкими исключеніями, при всей

религиозности самой природы, часто даже при вѣрности церкви, внутренне строилась въ другихъ тонахъ, слѣдуя за тѣмъ, что выработывала върелигіозная культура Запада (хотя тамъ все время двѣла и развивалась и своя религиозно-насыщенная культура)

Мнѣ кажется, что я не впадаю въ односторонность, подчеркивая именно религиозную природу того духовнаго отдаленія отъ народа, которое очень давно нависло надъ русской жизнью и почти не смягчалось ничѣмъ. Проникновение земства въ народъ (черезъ школу, земскую медицину, земское хозяйство) сближало народъ съ интеллигенціей все же весьма чеполно и односторонне, не устраняя основного духовнаго разрыва; больше и острѣе дѣйствовало сближеніе интеллигенціи и народа на почвѣ революціонныхъ идей. То, что случилось въ Россіи послѣ 1905 года и что развернулось съ полной силой въ 1917 году и послѣ, очень много сдѣлало для того, чтобы ликвидировать прежнее отдаленіе интеллигенціи и народа. Соціальныя перемѣщенія, уничтоженіе всѣхъ соціальныхъ и соціально-психическихъ перегородокъ сыграло свою огромную роль, восстановило нормальное соотношеніе между интеллигенціей и народомъ, расчистило путь для правильныхъ взаимоотношеній. У народа исчезло чувство соціальной отдаленности и отдаленности и выросло сознание цѣнности интеллигенціи.— и такимъ образомъ вѣншія трудности во взаимномъ сближеніи исчезли. Но тѣмъ яснѣе и рѣзче выступаетъ основная проблема духовной разъединенности народа и интеллигенции. Правда, надъ дѣ-

раненіемъ ея очень активно работаетъ антирелигіозная пропаганда, стремящаяся извнутри преодолѣть религиозные запросы народной души. Трудно, конечно, учесть въ настоящее время итоги всей этой разрушительной работы, только мнѣ кажется, что въ цѣломъ она совершается въ пустую, либо даже подготавливаетъ почву для новаго религиознаго подъема въ народной душѣ. Болѣе серьезно и сложно все то, что давно происходило у насъ, но что приняло небывалые размѣры за годы революціи — я имѣю въ виду ростъ русскаго сектантства. Не слѣдуетъ забывать, что русское сектантство почти исключительно было раньше чисто народнымъ, а теперь оно оказывается **мѣстомъ подлинной и глубокой встрѣчи интеллигенціи и народа**. Эта встрѣча не только **довершаетъ** то, что дана жизнь послѣ 1917 г., но впервые реализуетъ **настоящій и новый типъ здоровой близости интеллигенции и народа** — ибо эта встрѣча, эта близость касается самаго заветнаго и глубокаго въ народной душѣ—ея религиознаго міра. Сектантству это удалось — но справедливость требуетъ отмѣтить, что это удалось ему на почвѣ религиознаго **минимализма**. То здоровое и крѣпкое, что есть въ сектантствѣ, соединено въ немъ съ такимъ узкимъ и бѣднымъ содержаніемъ, такъ проходитъ мимо всего историческаго церковнаго богатства, что **оно не можетъ религиозно насытить народную душу**. Насколько позволяютъ намъ судить отрывочныя свѣдѣнія, проникающія изъ Россіи, можно сказать, что есть признаки нѣкотораго перерожденія самаго сек-

танства подъ влияніемъ народныхъ массъ, появившихъ въ сектанство. Это сказывается, повидимому, въ проникновеніи въ сектанство того, что ему чуждо — иколы, православныхъ пѣнопіній, нѣкоторыхъ обрядовъ. На нашихъ глазахъ развертывается новая глава великой религіозной драмы Россіи, источникъ которой, насколько я могу судить, заключается въ томъ, что народная душа остается не вполне удовлетворенной во всѣхъ своихъ релігіозныхъ исканіяхъ. Это очень ответственнѣйшій вопросъ, для разрѣшенія котораго нѣтъ на лицо всѣхъ данныхъ, но все же я думаю, что дѣло обстоитъ именно такъ, какъ я указываю. Религіозныя исканія русскаго народа не до конца находили себѣ отвѣтъ во всемъ томъ, чѣмъ было Православіе въ русской жизни. Православіе есть безспорно полнота и неизслѣдимое богатство, но въ жизни нашей оно раскрывалось не во всемъ своемъ богатствѣ, не во всей полнотѣ. Не мистическая сущность, а историческая реальность въ русскомъ Православіи оказалась недостаточной, — и это, конечно, нисколько не умаляетъ цѣнности самаго Православія, не набрасываетъ гѣни на него. Православіе было, конечно, исторической силой въ жизни Россіи, силой благотворной и творческой, но оно не раскрывалось во всей полнотѣ и цѣльности его содержания. Съ особенной силой это проявляется въ томъ, какъ строилась наша частная и общественная жизнь, — здѣсь влияние Православія не отвѣчало его подлиннымъ силамъ и его духу. Въ русской культурѣ, въ путяхъ русской жизни было много чуждаго духу

Православія. Тотъ духъ свободы, который вѣстъ въ Православіи, не разъ оказывался не по силамъ церковному обществу; и на этой почвѣ возникало много тяжелыхъ явленій, связанныхъ съ подмѣномъ церковной свободы совѣстной свободой. Такъ накоплялось у насъ искаженіе подлиннаго духа Православія, и это искаженіе въ свою очередь создавало духовную реакцію, уготовляло путь для болѣе узкаго, но и болѣе законченнаго морализма. Потребность релігіознаго устройства жизни, столь глубоко вытекавшая изъ самаго духа Православія, но столь мало удовлетворявшаяся силами Церкви, не разъ устремляла народное сознаніе на пути, удивившіе отъ Православія. Такъ создавалась почва для сектанства, съ его бѣднѣмъ, но вліятельнымъ въ устройствѣ жизни пафосомъ.

Неполнота вліянія Церкви на русскую жизнь есть роковой фактъ новой нашей исторіи, съ которымъ необходимо считаться, чтобы понять судьбу и логику релігіозныхъ исканій въ русскомъ народѣ. Для нашего народа не было и нѣтъ ничего выше Православія, въ которомъ именно и ощущаетъ народная душа основной источникъ своихъ лучшихъ стремленій и упований. Сознаніе того, что въ Церкви живетъ вѣчная правда, что только въ ней и можетъ быть она найдена, опредѣляло и опредѣляетъ глубокую связь народной души съ Христомъ и Его церковью. Но для нашего народа вопросъ о воплощеніи этой вѣчной правды въ жизни, — вопросъ для всѣхъ неизбѣжный и основной — ставился всегда нѣсколько своеобразно. Это нужно понять, чтобы проник-

нуть въ религиозныя исканія русскаго народа. Для русскаго сознанія очень мало увлекательны и пріемлемы тѣ пути, которые были послѣдовательно проведены на Западѣ въ теократическомъ замыслѣ, въ признаніи внѣшнихъ силъ при осуществленіи христіанскаго идеала, въ морализмѣ. Русскому народу дорога внутренняя преданность христіанскому идеалу — и его не смущаетъ ни реальная безпомощность и непрактичность, ни даже «юродство» носителей правды. Однако и для него крайне существенно страстное стремленіе увидѣть осуществленнымъ на землѣ идеалъ Христовъ, стремленіе явить въ простотѣ и смиреніи вѣчную правду Христову, сообразовать свою жизнь, свой бытъ и его формы съ духомъ Христовымъ. Исканіе чистой жизни, христіанскаго устройства быта и соціальной жизни — необыкновенно сильно у нашего народа. **Именно отъ церкви всегда и рождалось это исканіе**, но въ ней оно не могло развернуться. Приходская жизнь не охватывала всѣхъ сторонъ жизни — и глубокое стремленіе внести въ обыденную жизнь свѣтъ церковной правды уходило куда-то въ сторону. Скажемъ такъ: народъ нашъ нуждался всегда не въ одной только церковной мистической жизни, но нуждался и въ **церковной культурѣ**. Народу нашему всегда было чуждо сосредоточеніе на одной лишь мистической стороне Церкви; высоко почитая монастыри, монашество, народъ несъ въ монастыри не только духовные, но и жизненные свои вопросы. Монастыри были для народа носителями **чистоты** Христовой правды, но вовсе не отрицатели ея

отъ жизни; народъ любилъ всегда монастыри, какъ тилъ самой чистой и одушевленной жизни, — и наши монастыри и на самомъ дѣлѣ были центрами огромной культурной энергіи въ различныхъ направленіяхъ. Реализмъ и практичность были здѣсь свободны, конечно, отъ мелкаго погруженія въ злобу дня, но печать жизнеутвержденія была на самыхъ глубокихъ духовныхъ устремленіяхъ въ монастыряхъ. Поэтому здѣсь лишь укрѣплялась погребенность христіанскаго устройства жизни и усиливалась тяга народной души къ религиозному преобразенію жизни. Въ этой задачѣ оцерковленія быта народъ нуждался въ руководствѣ тѣхъ, кто могъ бы соединить въ себѣ вѣрность Церкви, чутъе жизни, религиозное одушевленіе и реализмъ, иными словами онъ **нуждался въ церковной интеллигенціи**, которая могла бы повести его за собой. Конечно, народу не мало помогали здѣсь, какъ и могутъ и дальше помочь — пастыри; вѣрнѣе говоря, всюду, гдѣ пастыри оказывались способными руководить народными массами въ ихъ бытовомъ строѣ жизни, они легко получали власть надъ народомъ и вели его. Но много ли было такихъ пастырей? Я не считаю случайнымъ то, что ихъ было немного. Въ католическомъ и протестантскомъ мірѣ пастыри обнаруживаютъ обыкновенно огромную жизненную активность, являются очень сильными и вліятельными центрами жизни, а наши православные священники нерѣдко оказываются недостаточны способными къ этому. Народъ нашъ чтитъ въ пастыряхъ именно ихъ пастырство, ихъ благодатное служеніе въ Церкви, ихъ

духовную силу, но для устройства жизни в христианском духе он нуждается в церковной интеллигенции. Было бы, конечно, великой радостью для русской церкви, если бы новое пастырство пошло вперед народа и повело его за собой в дело устройства жизни в духе церковном, но не следует возлагать на плечи пастырей то, что надлежит делать всему церковному народу. Наш народ нуждается в добрых пастырях, но для мирских дел, для построения церковной культуры он больше нуждается в церковной интеллигенции. Я настолько сильно ощущаю это, что готов сказать, что если и дальше не выделится православная интеллигенция, которая смогла бы приблизиться к народу и повести его за собой в мирских делах, в устройстве жизни в духе Православия, то народ навряд будет в немалой своей части отходить от Православия. Мне кажется, что усилия русского сектантства красноречиво свидетельствуют об этом. Сейчас, после толчка, данного революцией, в народе нашем идет очень сложный и запутанный духовный процесс, — и в значительной мере судьба народа, в смысле отношения его к Церкви, будет зависеть от того, найдут ли народ своих духовных вождей в православной интеллигенции или же его вождями окажутся сектанты. Для многих это может представиться вопросом или незначительным или лишенным всякого интереса; мне привелось слышать даже от одного из самых видных вождей современной демократической интеллигенции, что сектант-

во сейчас больше нужно, больше плодотворно для русской души, чем Православие, ибо сектантство будто бы несет с собой дух свободы и творчества. Это легкомысленное суждение не только религиозно, но и исторически неверно. Не только потому, что я считаю Православие истиной, а сектантство полустинной, но и просто на основании трезвого и непредвзятого отношения к духовным проблемам я думаю, что рост сектантства может идти у нас только за счет духовного объединения, узости и неподвижности. Не только для религиозных людей важно, останется ли наш народ при Православии или повернется к сектантству — **но это вообще есть вопрос и о судьбе русского гения.** Сектантство весьма почтенно в своей чистой жизни, но его духовная скудость лучше всего выражается в том, что все творческие силы русской жизни, за очень редкими исключениями (Л. Толстой) не связаны с русским сектантством. Русской душе, в ее гении и творческих исканиях, легче даже дышется на почве ингинизма и позитивизма, чем на почве сектантства. Это есть факт, мимо которого нельзя пройти. Поскольку в новейшем сектантстве есть кое-что творческое, постольку в нем уже нет прежней упрощенности, какая обыкновенно присуща сектантству. Борьба сектантства с Православием за русскую народную душу не есть борьба чисто исповедная, не затрагивающая самых основ русского духа — эта борьба, зная великий раскол не безразлична для судьбы русского гения. Все, кто отдает себя огню в том, что русский народ

стоитъ нынѣ на распутьи такъ, какъ никогда не стоялъ раньше, всѣ, кто понимаетъ, какое огромное несчастье представлялъ раньше духовный отходъ крѣпкихъ русскихъ народныхъ слоевъ отъ самаго основнаго въ русской жизни, не могутъ только извинѣ быть наблюдателями русской жизни въ этомъ ея разрывѣ. Если народъ нашъ болѣе чѣмъ когда-либо нуждается въ духовномъ руководствѣ со стороны вѣрующей интеллигенции, то мы должны отвѣтить на этотъ призывъ, мы должны пойти къ народу. Можно сказать, что никогда нашъ народъ не нуждался такъ въ «народничествѣ», какъ движеніи интеллигенціи къ народу и въ народъ, какъ нуждается онъ въ немъ нынѣ, когда онъ вышелъ на путь самоустройства. Тема народничества вновь поставлена исторіей, но уже не въ порядкѣ мечтаній и покаянныхъ настроеній интеллигенціи, а какъ вѣкій зовъ народа къ своей интеллигенціи, которую онъ нынѣ ждетъ, какъ никогда, для помощи ему въ дѣлѣ устройства его жизни. Тема народничества поставлена такъ, какъ никогда раньше, но она не выдвинута чисто вѣщно — въ ней есть трагически неустраняемая заглушенность. Шепотомъ, за-глушеннымъ и тихимъ, зоветъ къ себѣ нашъ народъ, ожидая того, что любящее, чуткое сердце отзовется и на этотъ тихій призывъ. Почему это такъ вышло? Да оттого, что наша интеллигенція такъ долго и такъ настойчиво вела линію безбожнаго позитивизма, официального лицемерія, — что народъ уже не видитъ, гдѣ тѣ, въ комъ онъ нуждается. Не среди насъ ищетъ

онъ своихъ духовныхъ вождей, — ибо въ своихъ религіозныхъ исканіяхъ онъ раньше никогда не встрѣчалъ у насъ отзвука, но если мы, православная интеллигенція, не поидемъ къ народу, мы бросимъ его въ одинъ изъ самыхъ страшныхъ и отвѣтственныхъ моментовъ его исторіи.

Тема о религіозномъ народничествѣ ставится, однако, съ меньшей остротой и въ діалектичѣ развитія самой нашей интеллигенціи: не только народъ нашъ нынѣ особенно нуждается въ насъ, но и мы чрезвычайно нуждаемся въ немъ, нуждаемся въ томъ, чтобы въ приближеніи къ нему найти почву для своей дѣятельности. Я имѣю въ виду не только ту часть интеллигенціи, которая уже вернулась въ Церковь и для которой необходимо черезъ Церковь вернуться и къ народу, чтобы до конца понять свой историческій путь. Но и та часть интеллигенціи, которая еще не вернулась къ Церкви, но сознаетъ всю духовную бездну, въ какую увлекаетъ насъ коммунизмъ, должно понять всю историческую серьезность и важность сейчасъ религіознаго народничества. Интеллигенція должна нынѣ сознательно покончить съ позитивизмомъ и религіознымъ нигилизмомъ — иначе ей нечего духовно противопоставить коммунистическому давленію съ его цинизмомъ и аморализмомъ. Уже давно шла въ мірѣ острая и непримиримая борьба антирелигіозныхъ силъ противъ христіанства, но она не была раньше такъ обнажена въ своемъ религіозномъ смыслѣ. Много и успѣшно собираетъ поля свои знамена внѣрелигіозный гуманизмъ, просвѣщенство съ его

набросомъ, натурализмъ, духовно-столь удобный и даже привлека-тельный, и, наконецъ, эстетиче-ский аморализмъ. Но это были, какъ казалось, лишь виѣрелигіоз-ныя теченія, теперь же вскрылись и окрѣпли прямыя антирелигіозныя теченія — и то, что дѣлается въ Советской Россіи подъ именемъ «антирелигіозной пропаганды», уже не заключаетъ въ себѣ ника-кой двусмысленности. Уже невоз-можно въ наше время благодушно питаться продуктами виѣрели-гіозной культуры; исторія толка-етъ насъ на открытую борьбу ре-лигіозныхъ и антирелигіозныхъ теченій — и уклониться отъ этой борьбы можно лишь мнимо. Благо-душно пребывать «виѣ» рели-гіозной проблемы является или удѣломъ наивности и нечуткости къ тревогѣ нашей эпохи или же прикрытіемъ глубокаго сочувст-вія къ агрессивному атеизму. Этого нельзя уже перемѣнить, — такова воля исторіи. На народъ нашъ двинута боль-шая и организованная духов-ная сила съ цѣлью вытравить въ немъ глубочайшія и драгоценнѣй-шія его духовныя исканія, — и въ этотъ роковой и судьбоносный часъ испытаній долѣтъ интеллиген-ции помочь народу отстоять себя. Духовно выпутаться изъ тѣхъ сѣ-тей, въ которыя запутали его ис-кусныя руки, преодолѣть ядовитое вліяніе его господъ нынѣш-нихъ — можно только, противо-ставляя цинизму — энтузіазмъ иѣры, аморализму — горячую преданность идеалу, атеизму — жи-вую вѣру въ Бога. Со сцены исторіи снята мелодрама и водевилъ — передъ нами проходитъ траге-дія, напряженнѣйшая борьба двухъ силъ исторіи — и сердце-

вина всего этого трагическаго на-пряженія находится въ народѣ. Въ народной душѣ вспыхнуло и оживилось религіозное бунтарст-во, народная душа отравлена и больна, она судорожно борется за самое себя. Тѣ, кто способны по-нять этотъ духовный кризисъ въ народной душѣ, кто хочетъ быть другомъ народа, должны идти къ нему не съ опустошенной душой, но съ огнемъ и силой вѣры. Цер-ковная интеллигенція можетъ по-мочь народу, стать во главѣ его и повести за собой — ибо поле сраженія проходитъ не столько по территории идей, сколько по тер-риторіи жизни. Нужно созданіе оцерковленной культуры, нужнѣе созданіе социальной, экономиче-ской жизни, устроеніе быта и вос-питанія не только въ духѣ Пре-вославія, но и въ прямомъ выра-женіи его богатства и силы. Нуж-но отвѣтить на духовныя исканія народа въ ихъ наиболѣе болевой и острой точкѣ — тамъ, гдѣ сѣ-ютъ сомнѣнія въ жизненности и осуществимости завѣтовъ Христа, гдѣ выдвигаютъ оторванность Церкви отъ жизни или обслуживаніе ея интересовъ высшихъ классовъ. Нужно, иными словами, живое и одушевленное устремле-ніе къ церковной культурѣ, нуж-но реальное явленіе этой церков-ной культуры, чтобы народъ могъ сбросить съ себя чары искусите-лей и свободно вернуться къ все-цѣлой правдѣ Православія. Истин-ными друзьями народа могутъ въ наше время быть лишь тѣ, кто не только блюдетъ его «интересы» — народъ уже достаточно окрѣлъ, чтобы самому блюсти ихъ — но и раздѣлитъ его внутреннюю ду-ховную трудность и поможетъ ему сохранить его духовную сц-

стоитъ нынѣ на распутьи такъ, какъ никогда не стоялъ раньше, всѣ, кто понимаетъ, какое огромное несчастье представлялъ раньше духовный отходъ крѣпкихъ русскихъ народныхъ слоевъ отъ самаго основнаго въ русской жизни, не могутъ только извнѣ быть наблюдателями русской жизни въ этомъ ея разрѣзѣ. Если народъ нашъ болѣе чѣмъ когда - либо нуждается въ духовномъ руководствѣ со стороны вѣрующей интеллигенции, то мы должны отвѣтить на этотъ призывъ, мы должны пойти къ народу. Можно сказать, что никогда нашъ народъ не нуждался такъ въ «народничествѣ», какъ движеніи интеллигенции къ народу и въ народъ, какъ нуждается онъ въ немъ нынѣ, когда онъ вышелъ на путь свободнаго самоустроения. Тема народничества вновь поставлена исторіей, но уже не въ порядкѣ мечтаній и покаянныхъ настроеній интеллигенции, а какъ вѣкій зовъ народа къ своей интеллигенции, которую онъ нынѣ ждетъ, какъ никогда, для помощи ему въ дѣлѣ устройства его жизни. Тема народничества поставлена такъ, какъ никогда раньше, но она не выдвинута чисто вышше — въ ней есть трагически неустраняемая заглушенность. Шепотомъ, заглушеннымъ и тихимъ, зоветъ къ себѣ нашъ народъ, ожидая того, что любящее, чуткое сердце отзовется и на этотъ тихій призывъ. Почему это такъ вышло? Да оттого, что наша интеллигенція такъ долго и такъ настойчиво вела линію безбожнаго позитивизма, оффиціального лицемерія, — что народъ уже не видитъ, гдѣ тѣ, въ комъ онъ нуждается. Не среди насъ ищетъ

онъ своихъ духовныхъ вождей, — ибо въ своихъ религіозныхъ искахніяхъ онъ раньше никогда не встрѣчалъ у насъ отзвука, но если мы, православная интеллигенція, не пойдемъ къ народу, мы бросимъ его въ одинъ изъ самыхъ страшныхъ и отвѣтственныхъ моментовъ его исторіи.

Тема о религіозномъ народничествѣ ставится, однако, съ неменьшей остротой и въ діалектичѣ развитія самой нашей интеллигенции: не только народъ нашъ нынѣ особенно нуждается въ насъ, но и мы чрезвычайно нуждаемся въ немъ, нуждаемся въ томъ, чтобы въ приближеніи къ нему найти почву для своей дѣятельности. Я имѣю въ виду не только ту часть интеллигенции, которая уже вернулась въ Церковь и для которой необходимо черезъ Церковь вернуться и къ народу, чтобы до конца понять свой историческій путь. Но и та часть интеллигенции, которая еще не вернулась къ Церкви, но сознаетъ всю духовную бездну, въ какую увлекаетъ насъ коммунизмъ, должно понять всю историческую серьезность и важность сейчасъ религіознаго народничества. Интеллигенція должна нынѣ сознательно покончить съ позитивизмомъ и религіознымъ нигилизмомъ — иначе ей нечего духовно противопоставить коммунистическому давленію съ его цинизмомъ и аморализмомъ. Уже давно шла въ мірѣ острая и непримиримая борьба антирелигіозныхъ силъ противъ христіанства, но она не была раньше такъ обнажена въ своемъ религіозномъ смыслѣ. Много и успѣшно собирать поля свои знамена вѣререлигіозный гуманизмъ, просвѣщенство съ его

набросом, натурализм, духовно-столь удобный и даже привлекательный, и, наконец, эстетический аморализм. Но это были, как казалось, лишь внѣрелигиозныя теченія, теперь же вскрылись и открыли прямая антирелигиозная теченія — и то, что дѣлается въ Советской Россіи подъ именемъ «антирелигиозной пропаганды», уже не заключаетъ въ себѣ никакой двусмысленности. Уже невозможно въ наше время благодушно питаться продуктами внѣрелигиозной культуры; история толкаетъ насъ на открытую борьбу религиозныхъ и антирелигиозныхъ теченій — и уклониться отъ этой борьбы можно лишь мнимо. Благодушно пребывать «внѣ» религиозной проблемы является или утѣломъ наивности и нечуткости къ тревогѣ нашей эпохи или же прикрытіемъ глубокаго сочувствія къ агрессивному атеизму. Этого нельзя уже переменить, — такова воля истории. На народъ нашъ двинута большая и организованная духовная сила съ цѣлью выгравить въ немъ глубочайшія и драгоцѣннѣйшія его духовныя исканія, — и въ этотъ роковой и судьбоносный часъ испытаній должи интеллигенція помочь народу отстоять себя. Духовно выпутаться изъ тѣхъ сетей, въ которыя запутали его искусныя руки, преодолѣть ядовитое вліяніе его господъ льнѣвшихъ — можно только, противопоставляя цинизму — энтузіазмъ вѣры, аморализму — горячую преданность идеалу, атеизму — живую вѣру въ Бога. Со сцены истории снята мелодрама и водевиль — передъ нами проходитъ трагедія, напряженнѣйшая борьба духъ силъ истории — и сердце-

вина всего этого трагическаго напряженія находится въ народѣ. Въ народной душѣ вспыхнуло и оживилось религиозное бунтарство, народная душа отравлена и больна, она судорожно борется за самое себя. Тѣ, кто способны познать этотъ духовный кризисъ въ народной душѣ, кто хотятъ быть другомъ народа, должны идти къ нему не съ опустошенной душой, но съ огнемъ и силой вѣры. Церковная интеллигенція можетъ помочь народу, стать во главѣ его и повести за собой — ибо послѣ сраженія проходить не столько по территориямъ идей, сколько по территориямъ жизни. Нужно созданіе оцерковленной культуры, нужно созданіе социальной, экономической жизни, устроеніе быта и воспитанія не только въ духѣ Православія, но и въ прямомъ выгравированіи его богатства и силы. Нужно отвѣтить на духовныя исканія народа въ ихъ наиболѣе болезненной и острой точкѣ — тамъ, гдѣ съюгъ сомнѣнія въ жизненности и осуществимости завѣтовъ Христа, гдѣ выдвигаются оторванности Церкви отъ жизни или обелуживаніе ея интересовъ высшихъ классовъ. Нужно, иными словами, живое и одушевленное устремленіе къ церковной культурѣ, нужно реальное явленіе этой церковной культуры, чтобы народъ могъ сбросить съ себя чары искусителей и свободно вернуться къ всецѣлой правдѣ Православія. Истинными друзьями народа могутъ быть наше время быть лишь тѣ, кто не только блюдетъ его интересы — народъ уже достаточно открытъ, чтобы самому блюсти ихъ — а и раздѣлитъ его внутреннюю духовную трудность и поможетъ ему сохранить его духовную си-

лу въ преодолѣніи искушеній и соблазновъ. Народничество можетъ и должно быть въ наши дни религіознымъ.

Та часть интеллигенціи, которая уже вернулась или возвращается нынѣ въ Церковь, должна тоже понять, что она не смѣетъ, не можетъ оставить русскій народъ въ трудный часъ его исторіи. Судьбы Православной Церкви въ Россіи опредѣляются тѣмъ, куда пойдетъ народъ; сейчасъ идетъ борьба за народную душу — и въ этой борьбѣ церковной интеллигенціи необходимо принять самое живое участіе. Съ одной стороны, въ народную душу проникаетъ въ небывалыхъ дозахъ ядъ атеизма и цинизма, съ другой стороны, давнія сомнѣнія сбиваютъ вѣрующіхъ въ народъ въ сторону сектантства. Мы едва успѣли до глубины пережить свой возвратъ къ Церкви, а насъ уже зовутъ на бой, не давая возможности углубиться въ себя: да, это тяжело и даже жутко, но время не ждетъ. Церковная интеллигенція должна услышать тихій, заглушенный зовъ русскаго народа, уже не очень надѣющагося получить отъ своей интеллигенціи помощь въ самой трудной его духовной борьбѣ; церковная интеллигенція должна сама пойти къ народу. Чтобы религіозно устоять, чтобы не выродиться духовно, церковная интеллигенція должна думать о строеніи церковной культуры, — это нужно для нея самой, но именно это же нужно

и народу. Мы нуждаемся въ народѣ, народъ нуждается въ насъ — и это необходимо осознать со всей ясностью и силой

Я не вполне увѣренъ, что идея религіознаго народничества исторически достаточно уже назрѣла, но я совершенно увѣренъ въ томъ, что она намъ нужна и обязательна для насъ. Велики и даже безцѣльны задачи, возложенныя исторіей на плечи русской интеллигенціи, возвращающейся нынѣ въ Церковь, но радостно жить именно въ нашу эпоху, стоящую на грани двухъ историческихъ идей. Отъ Просвѣщенства мы окончательно отходимъ и вступаемъ снова въ религіозную эпоху, — и какъ разъ передъ православной церковной интеллигенціей встаютъ огромныя историческія задачи. Какъ бы ни были мы слабы и малочисленны, но гениальна и существенна самая тема нашего времени, тема о церковной культурѣ, о построеніи жизни въ соответствии съ духомъ Православія. Въ этой грандіозной задачѣ мы приближаемся къ нашему народу въ самыхъ глубокихъ и лучшихъ его духовныхъ исканіяхъ. — и это приближеніе должно найти свое жизненное выраженіе. Пусть церковной интеллигенціи вѣдутъ ее къ религіозному народничеству, и если это только въ самыхъ общихъ чертахъ обрисовываетъ заданіе времени, то все же оно выражаетъ самое главное и самое творческое въ немъ

В. В. Зъньковский.